

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-14-22

Модернистская оптика истории

Наталья И. Рейнгольд

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalya.reinhold@gmail.com*

Аннотация. Предмет обсуждения – место и значение истории литературы в творчестве английских модернистов. В статье анализируется подход Вирджинии Вулф (1882–1941) к истории и ее репрезентации в романе-биографии «Орландо» (1928). В заключение делается вывод о значимости литературно-исторического проекта Вулф в сравнении с некоторыми историческими концепциями, сложившимися во второй половине XX в.

Ключевые слова: биография, исторический факт, художественный вымысел, повествователь, В. Вулф, «Орландо: биография», Г. Баттерфилд

Для цитирования: Рейнгольд Н.И. Модернистская оптика истории // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 14–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-14-22

History through the modernist lens

Natalya I. Reinhold

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natalya.reinhold@gmail.com*

Abstract. The subject under consideration is the prominence of history of literature in the work of English modernists. The author analyses Virginia Woolf's (1882–1941) approach to history, and her view on history as a subject of representation in her novel-cum-biography “Orlando” (1928). In conclusion, Woolf's literary project is appreciated against the background of some historical concepts of the second half of the twentieth century.

Keywords: biography, historical fact, fiction, narrator, V. Woolf, “Orlando: A Biography”, H. Butterfield

For citation: Reinhold, N.I. (2024), “History through the modernist lens”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 14–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-14-22

© Рейнгольд Н.И., 2024

Описание истории через деталь – как известно, основной прием работы модерниста с историческим материалом [Bradbury, McFarlane 1976]. Уточнить и расширить представление о подходах модернистов к толкованию и изображению прошлого – цель настоящей статьи. Актуальность исследования – в установлении концептуальных связей между модернизмом и современными подходами к изучению истории.

Последняя – частая тема у модернистов. Вспомнить Вулф, ее «Орландо: биографию» и «Флаш: биографию» (1933), «Обыкновенного читателя» (1925, 1932) и «Свою комнату» (1929), «Очерки о классической американской литературе» (1920) и «Движения в европейской истории» (1921) Д.Г. Лоренса, «Вехи французской литературы» Л. Стречи (1912) и т. д.

В наследии Вулф история занимает особое место. В романах «Орландо», «Годы» (1937) и «Между актами» (1940), в эссе крупной формы – «Своей комнате», «Обыкновенном читателе», «Трех гинеех» (1938) основное содержание составляет именно история. Из 400 эссе Вулф больше половины посвящены истории Англии и английской литературы. Не случайно современники видели Вулф в роли Клио, музы истории [Рейнгольд 2012]; подчеркивали ее центральное положение относительно прошлого и настоящего английской литературы [Eliot 1972].

Вулф (дочь сэра Лесли Стивена, первого редактора «Национально-биографического словаря» (1885–1900)) интересовала жизнь прошлых поколений. История позволяла проверить посредством биографий, мемуаров, документов, свидетельств и пр., как в разные исторические периоды решались вопросы социального и материального неравенства, выражавшегося в подавлении творческого начала в человеке; какие условия способствовали его реализации, развитию андрогинного сознания; как соотносятся факт и психология в литературе.

Интерес к непарадному прошлому подогревался недоверием Вулф к объективным истинам, утратившим после Первой мировой войны смысл и значение¹; за точку отсчета ею были взяты личный опыт частного человека, пережитое им, и это же интересовало Вулф в прошлом – теневые фигуры, рядовые события, бытовая жизнь мало чем примечательных людей. Одновременно

¹ См. эссе «О глухоте к греческому слову»: «Всеобщее потрясение, вызванное Первой мировой войной, было настолько внезапным, что мы еще опомниться не успели, никто из поэтов, писателей даже пикнуть не сумел, а наши чувства превратились в груды обломков, а сами мы – в безмолвных свидетелей, наблюдающих на ними искося, со стороны» [Вулф 2012, с. 34].

складывались новые приемы описания прошлого посредством контаминации документально подтвержденных исторических событий и вымышленных персонажей с целью выявления неизвестных сторон истории, вскрытия невидимых пружин поступков людей и т. д. Эти находки Вулф обобщила в эссе «Новая биография» с его характерным зачином: «вымышленная жизнь нам представляется все более реальной» (Woolf 1958, p. 149; здесь и далее перевод мой. – Н. Р.).

2 ноября 1917 г. после разговора со своим девятилетним племянником Джулианом Беллом (1908–1937) Вулф записала в дневнике: «Жаль, что у каждого нового поколения не может быть новой истории» (“It seems a pity there can’t be a new history for each new generation”; Woolf 1977–1982, p. 70), выразив в свойственной ей шутливо-иронической манере свое удивление и удовлетворение тем, как судит о вещах подросток, «новое поколение».

В контексте творческой деятельности эти слова писательницы обнаруживают любопытную значимость.

Выскажем предположение [Лихачев 1989]: Вулф создала «новую историю» для «нового поколения» в «Орlando: биографии» (Woolf 1929a). В центре повествования – фантастический персонаж, превращающийся по ходу сюжета из мужчины в женщину. Невозможная (во всяком случае, до последнего времени) метаморфоза происходит на фоне отчасти исторических, отчасти вымышленных событий; в них участвуют реальные фигуры и персонажи собирательные, никогда не существовавшие.

Протагонист Орlando – это собирательный образ культурного героя с европейской историко-литературной подосновой. Его фантастический характер неслучаен: по мысли Вулф, если действующее лицо не представляет собой историческую фигуру, то границ фантазии автора нет.

При всей нереалистичности образа Орlando, странные метаморфозы протагониста скорее выражают перемены в состоянии умов, колебания пресловутого “the spirit of the age” (Woolf 1929a, p. 236), который Вулф, очевидно, трактует как сложнейшую материю, неуловимо меняющуюся от века к веку.

Повествование от третьего лица ведет аноним, биограф, персонаж несколько наивный, но не плоский. Складывается образ консервативного историка, претендующего на исчерпывающее знание предмета и благонадежные приемы его преподнесения неофитам.

Фоном действия служит поместье Орlando, в описании которого воссоздан знаменитый Ноул (Knole), чьи стены за несколько веков перевидали немало исторических деятелей и литературных знаменитостей [Naremore 1973].

Общий принцип работы Вулф с историческим фактом состоит в многократном вкраплении исторически достоверных деталей в общий вымысел ровно в том объеме, какой требуется для создания атмосферы. Из множества подробностей, фактов, наблюдений, связанных с английской культурой конца XVI – начала XX в., создается историческая канва.

Сделаем несколько обобщений относительно той гипотетической версии истории «для каждого нового поколения», которую предположительно Вулф создала в «Орландо».

Во-первых, отметим общий гибкий подход писательницы к истории, который выражается в том, что в зависимости от меняющихся социальных, экономических, политических, общекультурных условий, меняется и сама история как некая хроника событий. Под историей Вулф понимает факты и их интерпретацию. Под фактами истории она понимала эмпирику существования, человеческого опыта, – «историю снизу», как сказали бы мы сегодня. То, что любая интерпретация относительна, – не требует в ее случае доказательств: как модернист Вулф исходила из релятивизма понятий. Нет и не может быть, утверждает Вулф, истинной истории, данной раз и навсегда. Существует определенное число версий истории, предложенных историками разных эпох и разных взглядов. Основательный историк – тот, кто принимает во внимание возможно большее число фактов, используя их как основу своего толкования исторического события. Изучение истории, по мысли Вулф, это процесс открытия и анализа разнородных исторических фактов. Общий взгляд Вулф на историю базируется на концептах относительности и рецепции. В ее представлении об истории, таким образом, видны и викторианская школа Лесли Стивена, и подход писателя-модерниста.

Во-вторых, релятивно-рецептивный подход к истории соединялся у Вулф с постпозитивистским убеждением в отсутствии поступательности и тем более прогресса в движении культуры (Вулф 2012). Культура в ее исторической динамике – это текст, который с переменным успехом пишут сменяющие друг друга поколения. Именно этот смысл выражен в «Орландо»: протагонист, выступая на протяжении четырех столетий то в образе мужчины, то женщины, пишет одну и ту же поэму.

Метафора культуры как текста [Рейнгольд 2012], который пишется, уточняется, аккумулируется, переписывается, *кажется* близкой к постмодернистскому представлению. У Вулф же она, бесспорно, проистекает из модернистской эпистемологической эстетики, где полнота значимости придана литературе, искусству, «тексту» в самом широком смысле слова как достижению культуры

и цивилизации в условиях невежества, варварства, вандализма, о которых свидетельствует история, и – самое главное – вопреки этим условиям [Warner 1984]. Подчеркнем момент активного противостояния и противодействия человека множасьимся мраку и дикости посредством развития «текста» культуры, под которым Вулф (разумеется, никогда не употреблявшая сам термин «текст») понимала разнообразие творческих форм и полноту существования.

Проверим наше предположение о том, что написанная в «Орландо» история отвечала запросам нового поколения. В дневниковой записи Вулф говорится о любом новом поколении. Однако есть возможность прочитать это высказывание более конкретно.

Рассмотрим в качестве собирательного образа «нового» поколения 1900-х гг. Герберта Баттерфилда (1900–1979).

Г. Баттерфилд – типичный английский историк первой половины XX в. Он родился в простой йоркширской семье, историю знал в рамках школьной программы, тем не менее поступил в Кембридж и со временем стал уважаемым профессором истории, автором нескольких монографий, которые и сегодня на слуху у академического сообщества историков [Bentley 2011]. Исследователи отмечают различия в подходах Баттерфилда к истории, которые он демонстрировал в начале 1930-х гг., и в его воззрениях 1950-х гг. Нас они интересуют в прикладном смысле, как выражение взглядов на историю, близких или далеких от версии истории в «Орландо» Вулф.

В статье «История и марксистский метод», опубликованной в литературно-критическом журнале Ф.Р. Ливиса “Scrutiny”, Баттерфилд писал о своем убеждении, что «первым условием исторического мышления служит гибкость» (“elasticity”) [Butterfield 1933, p. 354]. Он признавал, что историку дано видеть лишь «изменения, различные проявления я, но не само реальное я, не основополагающий факт. Жизнь суть факт духовный; без этого не было бы истории; однако историк постоянно уязвлен тем, что ему доступны лишь внешние проявления жизни <...>, поскольку имеет дело только с обуславливающими обстоятельствами» [Bentley 2011, p. 111]. Соединение в ранних работах Баттерфилда марксизма (известного ему по работам М. Добба, Г.В. Плеханова и М.Н. Покровского) со стремлением к гибкому подходу к истории, призванной изучать всю полноту фактов духовной жизни человека, которая мыслится как подлинное бытие, производит впечатление гремучей смеси из разнородных источников. Но, возвращаясь к «Орландо», можно заметить, что такой взгляд на задачи историка не противоречит общему характеру истории как истории творческого духа в «Орландо» Вулф.

В 1950-х гг. Баттерфилд написал работу «История как ветвь литературы» [Butterfield 1951]. Он выделил два подхода к истори-

ческой трактовке прошлого. Первый он обозначил словом «воскрешение» (“resurrection”): «Порой мы склонны думать об истории как о труде, связанном с “воскрешением” либо былой эпохи, либо личности какого-то человека, или события, случившегося в определенное время» [Butterfield 1951, p. 230]. Другой подход к истории состоит в анализе процессов, которые привели к тому или иному историческому событию: «Другой род исторического описания сосредоточен на выяснении общих причин <...>. Это не столько описание, сколько анализ и препарирование» [Butterfield 1951, p. 231]. Адептов первого направления Баттерфилд называет «литературными историками» (“literary historians”) [Butterfield 1951, p. 232]; к ним он причисляет Томаса Карлайла, Томаса Б. Маколея и др. Странники альтернативного подхода видятся ему строгими аналитиками, умеющими отбирать из множества фактов те, что определяют ход истории. Литературная история, понимаемая как воскрешение прошлого и воспроизведение исторических процессов, больше неактуальна.

Судя по работам Баттерфилда, к 1950-м гг. строгий научный анализ взял верх над идеями изучения («воскрешения») прошлого в его полноте, что далеко расходилось с историко-литературной концепцией Вулф, воплощенной в «Орlando». История мыслилась писательницей («литературным историком», по терминологии Баттерфилда) как выражение «духа века» и понимание его движения посредством использования творческого воображения и знания фактов: на этих опорах держится исторический остов «Орlando». Так что историк Баттерфилд 1950-х гг. скорее воплощает собой гипотетического критика литературно-исторического проекта Вулф.

И все же у Вулф и Баттерфилда есть общее. Лучшие монографии Баттерфилда представляют собой обстоятельное исследование канвы межличностных отношений политиков и дипломатов, военачальников и правоведов, писателей, художников и пр. Ровно та же область межличностных отношений интересовала Вулф². Поэтому было бы неверно сказать, что «новая история» Вулф чужда поколению историков 1930–1950-х гг.

Относительно более ранних подходов английских историков, – вполне традиционным представляется соотнесение жизни человека с социальными и материальными условиями эпохи: его Вулф усвоила у Л. Стивена. Однако новым было применение этого приема к описанию жизни художника и выявление творческого духа века посредством такого соотнесения (Вулф 2012; Woolf 1929b).

² См. эссе «Мистер Беннет и миссис Браун» (Вулф 2012, с. 437–438).

Нов и совершенно фантастический персонаж, в определенный исторический момент превращающийся из мужчины в женщину. Нова и документально-художественная основа круга действующих лиц: наряду с историческими фигурами (Поупом, Аддисоном и др.), выступают вымышленные собирательные персонажи: Ник Грин, Шелмердин и т. д. В такой организации повествования угадывается подход, много позже развившийся в жанровую форму “faction”.

Новой в «Орlando» можно считать и интерпретацию «духа века» как движения андрогинного духа творчества, в котором совмещаются мужские и женские черты. В конце XVII – начале XVIII в. (именно тогда произошла метаморфоза Орlando) на литературную арену вышли десятки женщин (среди них Аффа Бен, Кэтрин Филипс, Фанни Берни), которые начали писать, переводить, редактировать, издавать собственные и чужие сочинения. Андрогинный, наполовину женский характер Орlando, ставшей/ставшего к 1920-м гг. зрелой опытной молодой женщиной, подтверждается ходом истории, движением суфражизма, «Новых женщин», мелкими подвижками в получении доступа к образованию, к некоторым закрытым профессиям, правам и свободам.

Поколение, оценившее историю андрогинного духа века, Вулф при жизни не застала: оно заявило о себе в 1980–1990-е гг. с мощным развитием западного феминизма.

Сравним описание гендерной трансформации Орlando в романе Вулф и в экранизации «Орlando» британским режиссером Салли Поттер (1992).

При внимательном чтении романа оказывается, что, несмотря на смену пола, Орlando не перестает меняться. На протяжении всего романа Орlando склоняется то к мужской, то к женской ипостаси своего я.

В фильме же трансформация Орlando оказывается окончательной и бесповоротной. В романе двойственная природа Орlando подсказана идеей Вулф об андрогинном сознании.

Концепция же С. Поттер иная: «Орlando на протяжении (действия) выступает женщиной, у нее женская идентичность; ...*сознание женское*» [Рейнгольд 2019, с. 155]. Орlando в представлении Поттер – это женщина, пускай и побывавшая когда-то мужчиной.

В заключение: предположение о том, что в «Орlando» Вулф написала новую историю для поколения родившихся в 1900-е гг., оправдалось частично. Выяснилось, что история движения творческого «духа века» в большей степени отвечала запросам западной аудитории 1980–2000-х гг., ориентированной на феминизм, преодоление социального и материального неравенства людей, ущемленных в правах; на гендерную раскрепощенность; свободу выражения

андрогинного творческого я. Примечательно, что в обширном своде работ об «Орландо» Вулф нет серьезных исследований содержащегося в нем исторического проекта [Williams 2002]. По нашему мнению, эта интересная попытка Вулф пересмотреть подходы к истории может быть оценена по достоинству лишь в контексте современных направлений эго-истории, истории быта, истории «снизу». Модернистская оптика истории – это не только прием изображения событий через деталь, но и (как у Вулф) продуктивные идеи и подходы к описанию истории, значимые и сегодня.

Источники

- Вулф 2012 – *Вулф В.* Обыкновенный читатель / Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. 775 с. (Литературные памятники / Российская акад. наук)
- Woolf 1929a – *Woolf V.* Orlando: A biography. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1929. 329 p.
- Woolf 1929b – *Woolf V.* Women and leisure // The nation and Athenaeum. 1929. 16 Nov. P. 248.
- Woolf 1958 – *Woolf V.* The new biography / Woolf V. Granite and rainbow. L.: Hogarth Press, 1958. P. 149–155.
- Woolf 1977–1982 – [Woolf V.] The diary of Virginia Woolf: in 4 vols. / Ed. by A.O. Bell. L.: The Hogarth Press, 1977–1982. Vol. 1. 356 p.

Литература

- Лихачев 1989 – *Лихачев Д.С.* О филологии. М.: Высшая школа, 1989. 207 с.
- Рейнгольд 2012 – *Рейнгольд Н.И.* Вирджиния Вулф и ее «Обыкновенный читатель» // Вулф В. Обыкновенный читатель / Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. С. 525–626. (Литературные памятники/Российская акад. наук)
- Рейнгольд 2019 – *Рейнгольд Н.И.* Слово, знак и движение в прозе Вирджинии Вулф // Вестник МГУ. 2019. № 1. С. 146–158.
- Bentley 2011 – *Bentley M.* The life and thought of Herbert Butterfield. History, science and God. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2011. 381 p.
- Bradbury, McFarlane 1976 – Modernism, 1890–1930 / Ed. by M. Bradbury, J. McFarlane. Harmondsworth: Penguin, 1976. 684 p.
- Butterfield 1933 – *Butterfield H.* History and the marxian method // Scrutiny. 1933. No. 1. P. 339–355.
- Butterfield 1951 – *Butterfield H.* History as a branch of literature // History and human relations. L.: Collins, 1951. P. 225–254.
- Eliot 1972 – *Eliot T.S.* On Virginia Woolf // Recollections of Virginia Woolf by her contemporaries / Ed. by J.R. Noble. L.: Peter Owen, 1972. P. 119–122.

- Naremore 1973 – *Naremore J.* The world without a self; Virginia Woolf and the novel. New Haven: Yale University Press, 1973. 259 p.
- Warner 1984 – Virginia Woolf. A centenary perspective / Ed. by E. Warner. L.: Basingstoke: The Macmillan Press, 1984. 169 p.
- Williams 2002 – *Williams L.B.* Modernism and the ideology of history. Literature, politics, and the past. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 265 p.

References

- Bentley, M. (2011), *The life and thought of Herbert Butterfield. History, science and God*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.
- Bradbury, M. and McFarlane, J., eds., (1976), *Modernism, 1890–1930*, Penguin, Harmondsworth, UK.
- Butterfield, H. (1933), “History and the Marxian method”, *Scrutiny*, iss. 1, pp. 339–355.
- Butterfield, H. (1951), “History as a branch of literature”, in Butterfield H., *History and human relations*, Collins, London, UK, pp. 225–254.
- Eliot, T.S. (1972), “On Virginia Woolf”, in Noble, J.R., ed., *Recollections of Virginia Woolf by her contemporaries*, Peter Owen, London, UK, pp. 119–122.
- Likhachev, D.S. (1989), *O filologii* [On philology], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Naremore, J. (1973), *The world without a self; Virginia Woolf and the novel*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Reinhold, N.I. (2019), “Slovo, znak i dvizhenie v proze Virdzhinii Vulf” [Verbal, visual and kinesic aspects of Virginia Woolf’s prose], *Vestnik MGU*, no. 1, pp. 146–158.
- Reinhold, N.I. (2012), “Virdzhinia Vulf i ee obyknovennyi chitatel’ ” [Virginia Woolf and her common reader], *Obyknovennyi chitatel’* [The Common Reader], Nauka, Moscow, Russia, pp. 525–626.
- Warner, E., ed. (1984), *Virginia Woolf. A centenary perspective*, Basingstoke, The Macmillan Press, London, UK.
- Williams, L.B. (2002), *Modernism and the ideology of history. Literature, politics, and the past*, Cambridge UP, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Наталья И. Рейнгольд, доктор филологических наук, международная докторская степень по английской литературе (Ph.D. in English), профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalya.reinhold@gmail.com

Information about the author

Natalya I. Reinhold, Dr. of Sci. (Philology), Ph.D. in English, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalya.reinhold@gmail.com